

13. ДАМО. – Ф. 231. – Оп. 1. – Спр. 2245. – Арк. 984-986, 990-991; Ф. 231. – Оп. 1. – Д. 2246. – Арк. 12; Ф. 231. – Оп. 1. – Д. 2268. – Арк 3.
14. Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России / А. А. Гольденвейзер // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. – М., 2002. – С. 115-158.

Анотація

Шукін В.В. Специфіка правового становища єврейського населення міст Миколаєва та Севастополя наприкінці XIX – на початку XX ст. – Стаття.

Особливість правового становища єврейського населення в Миколаєві та Севастополі полягала в тому, що імператорським указом 1829 р. ці міста виключено зі складу територій “смуги єврейської осілості” і євреям жити в них заборонено. У 1866 р. євреям дозволено постійно проживати у вказаних містах, але не було прийнято жодного закону про повернення Миколаєва та Севастополя до складу “смуги”. Це давало підстави градоначальнику та військовому губернатору цих міст ініціювати нове виселення євреїв, посилаючись на казуїстичне тлумачення постанови міністра внутрішніх справ 1907 р.

Ключові слова: “смуга єврейської осілості”, Миколаїв, Севастополь, єврейське населення, право проживання.

Summary

Schukin V.V. Specific of Legal Position of the Jewish Population of Cities of Mykolaiv and Sevastopol at the end of XIX – beginning of XX century. – Article.

The special feature of legal status of Jewish population in Mykolayiv and Sevastopol was that according emperor’s decree of 1829 these cities were excluded from the territory of “Pale of Settlement” and jews were forbidden to live there. In 1866 Jews were permitted to live in these cities, but not a single law was adopted on returning of Mykolayiv and Sevastopol to the “Pale of Settlement”. It gave the governors and military governors of these cities the opportunity to initiate new eviction of Jews, alleging the casuistic interpretation of the administrative regulation of Minister for Home Affairs in 1907.

Key words: “Pale of Settlement”, Mykolayiv, Sevastopol, Jewish population, right of residence.

УДК 340.15(477),1918”:341.382

Д.Я. Бондаренко

УКРАИНА В БРЕСТ-ЛИТОВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мирный договор, подписанный делегацией УНР со странами Четверного Союза, был высокопарно отмечен председателем германской делегации фон Гофманом как “первый мир Великой войны” [1, д. 489, л. 3 об]. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин более практично определил его как “хлебный мир” [2, с. 362; 3, с. 343]. Расхождения в формулировках указывают

на некоторые различия в приоритетах двух стран при заключении мира. Для Германии этот мир – не только шаг на пути освобождения сил Восточного фронта для переброски их на Запад и скорейшего завершения войны, но и серьезный шаг на пути послевоенного переустройства мира на основе германских целей войны. Австро-Венгрия же была в состоянии крайнего истощения ресурсов, находилась в состоянии голода [3, с. 146; 4, с. 562, 565], поэтому в ее случае главным приоритетом были сельскохозяйственные продукты Украины, а не формальное признание ее государственности.

Существует исторический факт, ставящий под сомнение правомерность заключения договора: он был подписан ночью и в крайней спешке. Спешили обе стороны. Украинская делегация, вероятно осознавая отсутствие власти Центральной Рады в Украине, даже отказалась последний раз просмотреть текст перед подписанием [1, д. 489, л. 3 об, 5]. Германии крайне важен был данный документ для ускорения переговоров с большевистским правительством, положение которого было крайне шатким [3, с. 146-148; 4, с. 561-565]. Австро-Венгрию интересовали скорейшие поставки хлеба, следовательно, Украина для нее была не более чем ресурсной базой, которая шла сама им в руки, а не суверенное государство.

В украинской историографии при рассмотрении вопроса об участии украинской делегации в Брест-Литовских мирных переговорах не удостоены внимания важные правовые аспекты. Во-первых, правомочность делегации участвовать в подобных переговорах. Например, Третий универсал Центральной Рады формально не разрывал федеративной связи, следовательно, только федеральный центр, в данном случае в лице Совета Народных Комиссаров, был правомочен вести подобные переговоры, поскольку внешняя политика – компетенция федерального центра, а не автономии. Четвертый универсал был провозглашен в период активной фазы переговоров, весьма формально, именно для признания независимости Украины государствами Четверного союза и заключения с нею договора. Кроме того, Четвертый универсал был принят Малой Радой, то есть президиумом Центральной Рады, а не сессией Рады в целом, которая уже в то время не могла собраться. Поэтому принятие Четвертого универсала вызывает сомнение с правовой точки зрения. Во-вторых, как обратила внимание И. Михутина, незаконность с позиций международного права самого участия Украины в данных переговорах. Правовая коллизия заключается в том, что Украина не объявляла войны Германии и другим странам Четверного союза, следовательно, она не могла заключать мир. Скорее речь могла идти о нейтралитете Украины [5, с. 144].

Следующим важным моментом является легитимность самой делегации: представляла ли делегация УНР саму Украину как государство? Обладало ли это государство реальным суверенитетом на какой-либо территории? Здесь сразу же возникают параллельно вопросы о правомочности и легитимности делегации советской Украины и делегации СНК. Представляли ли эти правительства население страны? Обладали ли они суверенитетом? Проблемы легитимности революционной власти довольно сложный вопрос для исследователей.

Но, с точки зрения немецкого руководства того периода, большевики однозначно потеряли легитимность после разгона Учредительного Собрания [4, с. 512, 559], а Центральная Рада вообще ею не обладала и рассматривалась как “несуществующее правительство” [2, с. 362; 3, с. 343-344].

Необходимо отметить, что для Германии вопрос о легитимности и суверенитете большевистского правительства, как и правительства Центральной Рады, не представлял особого интереса. Германское руководство исповедовало прагматичный подход: оно прекрасно понимало, что ведет нелегитимные переговоры с нелегитимными правительствами [3, с. 146-148; 4, с. 512, 559, 561, 565], но для него главная цель была – обеспечить мир на Восточном фронте любой ценой. Более того, Германия и ее союзники крайне спешили с подписанием мира, опасаясь, что данные правительства недолговечны и, в случае прихода на их место нового, война будет продолжена. Именно поэтому для стран Четверного союза большевики были оптимальным вариантом для заключения и обеспечения мира. В действительности ничто не останавливало германские войска от занятия Москвы и Петрограда и восстановления монархии, но от этого шага Германия вынуждена была отказаться, поскольку в этом случае была высокая вероятность продолжения войны с законным правительством России, вынужденным выполнять союзнический долг.

Какую же роль сыграла делегация Центральной Рады на Брест-Литовских переговорах? Конечно, Германия не отводила ей самостоятельную роль, а всего лишь “разменной карты” для давления на несговорчивых большевиков, затягивающих переговоры и использующих их как трибуну для пропаганды [3, с. 158]. Безусловно, украинский фактор был решающим при заключении советской Россией Брест-Литовского мирного договора на крайне тяжелых и невыгодных условиях, на что обратили внимание в эмигрантской историографии Г. Вернадский [6, с. 309-310] и О. Федюшин [7, с. 82], а в отечественной И. Михутина [5, с. 3, 128] и А. Чертищев [8, с. 610, 794].

Германия и ее союзники в начале переговоров не затрагивали “украинский вопрос”, и их аннексионистские требования касались лишь уже отторгнутых от России территорий (Польша, Литва и Курляндия), которые “самоопределились в пользу союза с Германией” [2, с. 359-360; 4, с. 513, 515; 9, с. 122; 10, с. 8; 11, с. 189]. Однако настойчивое требование Л. Троцкого пригласить к участию в переговорах делегацию польского правительства [1, д. 114, лл. 1-4; д. 499, лл. 31-43] вынудило германскую сторону использовать большевистский принцип “самоопределения народов”, чтобы признать украинскую делегацию. Надо отметить, что Л. Троцкий без колебания признал самостоятельность делегации УНР, тем самым создал определенную путаницу и нарушил устоявшиеся принципы международных отношений. “О Единой России говорить не приходится! Есть Московия и Украина!” [1, д. 501, л. 41].

Первоначально отношение к украинской делегации у германской стороны было весьма прохладное [3, с. 160-161]. Но затягивание большевиками переговоров (при этом одним из условий перемирия была невозможность переброски войск с Восточного на Западный фронт) на фоне подрывной деятельности

большевиков, выражавшейся в призывах к свержению государственного строя в Германии, к неподчинению офицерам [3, с. 160; 4, с. 561, 570, 595, 659] и т.д., вынудили Германию использовать “украинскую карту” для ускорения процесса. Подписание сепаратного мира с Украиной значительно ухудшало позиции большевиков и одновременно расширяло аннексионистские возможности Германии.

В. К. Шаццлло отмечает, что в германской историографии принята точка зрения, что Центральная Рада не обладала никакой властью, а переговоры с ней являлись лишь формальностью для придания законности дальнейшей оккупации Украины [2, с. 362].

Для давления на российскую советскую делегацию Германия и Австро-Венгрия использовали претензии Центральной Рады на образование независимой Украины [12, с. 39-40; 7, с. 79]. Однако для признания самостоятельности украинской делегации и заключения с ней мирного соглашения было необходимо формальное провозглашение независимости Украины. Таким документом послужил IV Универсал Центральной Рады от 22 января 1918 г., принятый Малой Радой (то есть президиумом Центральной Рады, а не всем ее составом) и обращенный фактически не к населению края, а к международному сообществу, прежде всего к германскому руководству. В ситуации поражения, нанесенного большевиками, Раду уже не заботило общественное мнение внутри государства, главное было – сохранить власть даже ценой коллаборационизма с противником. Для Германии данный документ дал формальный повод для заключения сепаратного соглашения с УНР, как с новым независимым государством, и оккупации Украины под видом оказания военной помощи в борьбе с большевиками.

В ответ советская делегация во главе с Л. Троцким сделала своеобразный “ход конем”: она заявила, что Центральная Рада низложена, поэтому ее делегация не представляет Украину. В свою очередь, в составе российской делегации произошли изменения: в нее включены представители советской Украины, которые отказываются признать договор, заключенный делегацией УНР [1, д. 494, с. 175, д. 1114, л. 57-58]. Более глупой, с правовой точки зрения, ситуации не мог сконструировать большевизм. Вначале признать самостоятельность делегации УНР, затем заявить о смене власти в Украине, при этом новая власть, являющаяся формально самостоятельной, выходит на переговоры как составная часть российской советской делегации. Кроме того, эта новая власть отказывается признать принцип преемственности права и взять на себя обязательства, принятые старой властью. К тому же Л. Троцкий ответил отказом на предложение австро-венгерской делегации отправить эксперта Четверного союза для изучения реального положения дел в Украине [3, с. 250, сноска 50]. Все это вызвало взрыв негодования в среде делегаций стран Четверного союза и укрепило их стремление к оккупации Украины.

В случае признания советской Украиной договора, заключенного УНР со странами Четверного союза, или разрешения посещения Украины экспертами Четверного союза, возможно, оккупации Украины можно было бы избежать. Надо признать, что И. Сталин пытался именно таким путем исправить

положение [1, д. 494, л. 175, д. 501, лл. 22-24], но время было упущено и германские войска нарушили перемирие.

Безусловно, германское руководство понимало, что Центральная Рада не контролирует территорию Украины (украинские делегаты пробирались в Брест-Литовск под видом членов советской украинской делегации), но для него было важно обеспечить выполнение условий мира, подписанного делегацией УНР.

Со своей стороны деятели Рады пытались найти опору у Четверного союза в борьбе с большевиками и в сохранении своей весьма эфемерной власти в обмен на предоставление Центральным державам продовольствия и полезных ископаемых края, необходимых для продолжения Германией войны на Западном фронте.

Главная ошибка большевиков заключалась в их слишком серьезном отношении к принципу самоопределения наций, который был использован в одностороннем порядке против самой России [2, с. 359; 10, с. 8; 12, с. 37-38]. В этом смысле изначальное непризнание делегации УНР могло бы большевикам сохранить лицо и доказать последовательность своей политики в “украинском вопросе”: признавать только украинское советское правительство либо вообще не признавать самостоятельность Украины. Германия в этом случае оказалась бы в сложном международно-правовом положении, признав УНР в одностороннем порядке. В крайнем случае, обе стороны могли бы пойти на компромиссный раздел Украины.

Признание делегации УНР Л. Троцким означало предательство национальных интересов России, что, собственно, не особенно заботило большевиков. Сказывались шаткость их положения [9, с. 231], отсутствие реальной силы и возможности навязать свою волю оппонентам по переговорам, неверный политический расчет, ставка на мировую революцию и, прежде всего, на скорейшую революцию в самой Германии. В. К. Шаццлло отмечает отсутствие профессиональных дипломатов в советской делегации первого и второго составов [2, с. 356-359].

Поскольку от имени Украины выступали две противоположные политические силы, право на участие в переговорах с оговорками признавалось РСФСР. Фактическое признание Л. Троцким обеих украинских делегаций заметно сокращало дипломатические возможности России и одновременно, по мнению А. И. Остапенко и Е. Ю. Сергеева, создавало для Германии условия выбора: какую украинскую делегацию признать [12, с. 41-42]. В действительности Германия заранее определила свой выбор в пользу Центральной Рады, поскольку ей необходимо было оккупировать территорию Украины для неограниченной эксплуатации ее ресурсов. В ночь 27 января (9 февраля) 1918 г. страны Четверного союза подписали сепаратный мир с УНР.

Мирный договор сопровождался дополнительным соглашением, включающим размещение германских войск в Украине, которое получило название “хлебного мира” в политических кругах Германии и Австро-Венгрии [2, с. 362].

Заключение договора Четверного союза с УНР значительно ухудшило позиции советской делегации. В тот же день вечером, 27 января (9 февраля), фон Кюльман фактически предъявил России ультиматум, потребовав немедленного

принятия германских требований на основе “линии Гофмана”. Как отметил В. К. Шаццлло, “подписав договор с Украиной, в Берлине решили заговорить более жестким тоном и с Петроградом” [2, с. 362].

Обязательства, взятые правительством УНР согласно “хлебному договору” с Германией и Австро-Венгрией, были невыполнимы: 60 млн пудов хлеба необходимо было поставить в Германию и Австро-Венгрию, при этом урожай составлял 15 млн пудов. То есть выполнение условий договора фактически обрекало украинский народ на голод ценой сохранения своей власти. Однако ни о каком суверенитете Украины не могло быть и речи, поскольку оккупационные власти стали вводить свои военно-полевые суды и распространять свои приказы среди населения. Главная задача оккупантов – откачка ресурсов. Население они рассматривали как русское, о чем говорят приказы германской армии и использование русского языка для общения с населением. В будущем Германия предполагала Украину вернуть России. Именно поэтому гетманская грамота о федерации с Россией во имя восстановления “единой великой России” не встретила никакого протеста со стороны германского оккупационного командования.

Таким образом, мы можем сформулировать основные выводы. Во-первых, участие обеих украинских делегаций в Брест-Литовских мирных переговорах в юридическом отношении выглядит весьма сомнительно. Следовательно, договор, подписанный делегацией УНР с государствами Четверного союза 9 февраля 1918 г., также выглядит сомнительным с правовой точки зрения и не может рассматриваться как “первый мир Великой войны”. Более правильным в его отношении применять название “хлебный мир”, при этом УНР нельзя рассматривать как суверенное государство. Германские войска не восстановили суверенитет УНР, напротив, они его окончательно уничтожили. Центральная Рада, пытаясь сохранить остатки своей власти в борьбе с большевиками, окончательно лишилась ее в период немецкой оккупации.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 489.
2. Шаццлло В. К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы / В. К. Шаццлло. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
3. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918 / Ю. Фельштинский. – М. : ТЕРРА, 1992.
4. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. / Э. Людендорф ; пер. с нем. – М. : АСТ; Минск : Харвест, 2005.
5. Михутина И. Украинский Брестский мир / И. Михутина. – М. : Европа, 2007.
6. Вернадский Г. В. Русская история / Г. В. Вернадский. – М. : Аграф, 1997.
7. Федюшин О. Украинская революция (1917 – 1918) / О. Федюшин. – М., 2007.
8. Чертищев А. В. Политические партии России и массовое сознание действующей Русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.) / А. В. Чертищев. – М., 2006.
9. Гофман М. Записки и дневники. 1914 – 1918 / М. Гофман. – Л., 1929.
10. Мирные переговоры в Брест-Литовске. – М., 1920. – Т. 1.
11. Самойло А. Две жизни / А. Самойло. – М., 1958.
12. Системная история международных отношений 1918 – 2000 : в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. – М. : Московский рабочий, 2000. – Т. 1 : События 1918 –1945.

Анотація

Бондаренко Д.Я. Україна у Брест-Литовських переговорах: історико-юридичний аспект. – Стаття.

Стаття висвітлює юридичні аспекти переговорів українських делегацій з країнами Четверного союзу взимку 1917–1918 рр. Наголошується, що делегація УНР не мала права підписувати мирний договір, позаяк УНР не була на той момент суверенною державою.

Ключові слова: Брест-Литовські переговори, Четверний союз, Центральна Рада, Українська Народна Республіка.

Summary

Bondarenko D.Y. Ukraine in Brest-Litovsk Negotiations: Historical and Legal Aspect. – Article.

The article lights up the legal aspects of negotiations between Ukrainian delegations and the countries of the Quadruple union in winter 1917–1918. It is marked that delegation of Ukrainian People Republic had no authority to sign a peaceful agreement, as UPR was not a nation-state at the moment.

Key words: Brest-Litovsk negotiations, Quadruple union, Central Council, Ukrainian People Republic.

УДК 340.15:348.819.3

М.А. Буга

ЗМІНИ В ПРАВОВОМУ СТАНОВИЩІ РУСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ ПІСЛЯ РЕВОЛЮЦІЙ 1917 Р.

Офіційне проголошення стратегічного шляху розвитку України як демократично орієнтованої соціальної та правової держави поставило перед правовою наукою ряд важливих завдань, пов'язаних із практичною реалізацією ряду конституційних положень, зокрема права громадян на свободу світогляду і віросповідання. На законодавчому рівні держава зобов'язалась подолати негативні наслідки радянської політики щодо релігії та церкви, заявивши про морально-політичну реабілітацію останньої. У цих умовах зростає роль історико-правових досліджень аспектів відносин між державою і церквою. Вивчення особливостей правового становища Руської Православної церкви в радянській державі (у період докорінної зміни ставлення держави до релігії та церкви) є вельми актуальним завданням.

Актуальність обраної теми значною мірою обумовлена і ступенем розробки даної проблеми. Аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано вирішення даної проблеми і на які спирається автор, дає підстави стверджувати, що питанню правового становища Православної церкви після Лютневої та Жовтневої революцій 1917 р. присвячені праці багатьох як вітчизняних, так